

УДК 82. 09 Толстой. 06

**ТОЛСТОВСКОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ: УРОКИ И ПРАКТИКА.
ОБ ИСТОРИИ ТОЛСТОВСКОЙ КОММУНЫ «ЖИЗНЬ И ТРУД»**

И. А. Юртаева

**TOLSTOY'S DOCTRINE: LESSONS AND PRACTICE.
THE HISTORY OF TOLSTOYAN «LIFE AND LABOUR» COMMUNE**

I. A. Yurtaeva

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ – Кузбасс. Лом № 12-14-42003

В данной работе рассматривается, как в реальной жизненной практике осуществлялись основные положения толстовского вероучения на примере истории толстовской коммуны «Жизнь и труд». В начале XX века толстовское движение было достаточно широко распространено, но большая часть коммун распалась в первые же годы установления советской власти. Толстовская коммуна «Жизнь и труд» просуществовала в селе Тальжино Кемеровской области до 1939 года. Глубокая убежденность членов коммуны в истинности религиозных идей писателя, знание творческого наследия Л. Н. Толстого позволили коммуне выстоять в сложных исторических условиях.

The paper focuses on study of implementation of Leo Tolstoy's doctrine in real life, with the history of Tolstoyan «Life and Labor» Commune as an example. In the early 20th century the Tolstoyan movement was rather widespread, however, the majority of the communes fell apart during the first years of the Soviet government. The «Life and Labor» Commune existed in the village of Talzhino, Kemerovo Oblast until 1939. The depth of the commune members' belief in the truth of the writer's ideas and their knowledge of Tolstoy's works allowed the commune to survive in such a difficult time.

Ключевые слова: коммуна, вероучение, история, историко-литературный процесс.

Keywords: commune, religious doctrine, history, historical-literary process.

Идеи толстовского вероучения получили широкое распространение уже в начале восьмидесятых годов XIX века. Данный период, конец семидесятых – начало восьмидесятых годов, осознавался современниками как период «остановки в общественном развитии», «период упадка», «эпоха ломки», когда перспективы дальнейшего развития не были определены, а время не было озаменовано значимыми общественно-революционными начинаниями или реформами. Кризис нашел проявление во всех сферах жизни, как в социально-общественных, так и религиозных. Поэтому не удивительно, что толстовское вероучение, практически единственное в сложных условиях «переходного времени», стало опорой для современников и приобрело многочисленных сторонников и последователей.

Л. Н. Толстой в это трудное время, совпавшее с его личным кризисом, поставил перед собой задачу буквально выработать в лаборатории строгой и точной науки идеал, универсальную истину, не изменяемую на протяжении веков. Л. Н. Толстой ищет ответ на главный вопрос, определяющий направленность его этико-религиозных исканий: «в чем смысл жизни, не уничтожаемый смертью» [24, с. 9]. Без ответа на этот вопрос писатель не мог жить и писать. Поэтому после завершения работы над романом «Анна Каренина» писатель замыкается в своем имении Ясная Поляна, фактически отстранившись от современности, с тем, чтобы в соответствии с требованиями эпохи решить поставленную задачу. На первом этапе поисков он обращается к естественным наукам: биологии, физике, химии, математике. Для Толстого разум безгрешен. «В рационализме Толстого... скрывается все та же вера в благостное, естественное состояние, в

доброту природы и природного», – отмечает Н. Бердяев [3, с. 471]. Однако писатель достаточно быстро осознал ограниченность рационалистического подхода. Поэтому следующим этапом его поиска становится обращение к величайшим религиям мира и основным философским учениям, выдержавших проверку временем, чтобы, используя метод интегрирования, вычленив основное этическое ядро, составляющее фундамент этико-религиозных учений. По мысли писателя, искомое этическое ядро является идеалом, неизменяемым на протяжении веков, и должно стать незыблемой опорой для человечества. В итоге исканий Л. Н. Толстой приходит к Нагорной проповеди. Учение Л. Н. Толстого не считается оригинальным учением. В религиозных учениях писателя интересует, прежде всего, этика. «В Евангелиях и, в особенности в Нагорной проповеди Евангелия от Матвея, Толстой видел готовый моральный кодекс, внедрение которого в ежедневную практику могло бы, как он думал, привести людей к счастливой жизни», – отмечает И. В. Видуэцкая [4, с. 51].

Толстовское вероучение не является мертвым догматом. Религия в понимании Толстого должна иметь этико-практическое значение. «Толстовская религия, – пишет В. Ф. Асмус, – есть больше критика, чем догма или мистическое настроение. Толстой на первый план выдвигает не собственно религиозное ее содержание, а способность веры быть силой жизни» [1, с. 9]. Именно эта специфика толстовского вероучения оказалась особенно значимой и привлекала к нему множество последователей – людей ярких и неординарных. Следует отметить, что идеи Л. Н. Толстого в этот период распространились достаточно

широко и притягивали представителей разных социальных лагерей, тем более что это учение возникло в момент одного из глубочайших кризисов христианства и стало необходимой опорой для последователей.

Однако последователи Л. Н. Толстого не были однородной массой. При всем многообразии судеб людей, примкнувших к толстовскому движению, можно выделить две основные группы последователей, разделивших идеи писателя и по-разному воплощавших их в жизни. Причина, позволяющая выделить две основные группы среди представителей толстовства, заключается в своеобразии жизненного пути и творческих исканий самого писателя. В творчестве и публицистике Л. Н. Толстого кризисного периода выделяются две линии: первая идет от личного кризиса самого писателя, вторая же связана с его переходом на позиции идеолога и защитника патриархального крестьянства. Проповеди Л. Н. Толстого, порождаящие стремление к прощению, были адресованы, прежде всего, к представителям привилегированных сословий. Такое представление о жизненном пути личности выражено в таких повестях, как «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Записки сумасшедшего», «Дьявол», «Отец Сергей», в романе «Воскресение».

Представители простого народа, прежде всего, крестьяне, были жертвой существующего несправедливого миропорядка. По мысли Л. Н. Толстого, их жизнь – это идеал, к которому следовало стремиться. В творчестве писателя эта линия представлена в «Народных рассказах», в переводных произведениях, драме «Власть тьмы». Отказ от авторской индивидуальности, проявившийся в этих рассказах, соотносится с поиском смысла жизни, с идеями восточной философии, которые приобрели особое значение для писателя в «переходное время».

Следует отметить, что такое разграничение носит достаточно условный характер. Членами крестьянских коммун часто становились высокообразованные интеллигентные люди.

Сам Л. Н. Толстой, как известно, никогда не отождествлял себя полностью со своими последователями, хотя он много помогал нуждающимся, уделяя внимание, прежде всего, задачам просветительского характера. Причины такого отношения великого писателя к своим последователям кроются в его сложной и противоречивой натуре. Тип «кающегося дворянина» в кризисный период вызывал ироническое отношение у писателя, что же касается крестьянских коммун, то несмотря на то, что идеальное начало он видел в народе, в народной вере, тем не менее он не мог переступить через собственную индивидуальность, преодолевая до конца внутренние противоречия.

Существует мнение о том, что Л. Н. Толстой отрицательно относился к коммуна, члены которых, устраивая жизнь в общинах, руководствовались его учением. Так, например, А. Б. Гольденвейзер записал ответ Л. Н. Толстого музыканту М. М. Ключевскому, рассказавшему о своем намерении устроиться в общине: «Зачем община? Не надо отделяться от всех людей. Если в ком есть что хорошее, пусть этот свет распространяется вокруг него там, где он живет. Сколько людей устраивалось общинами, и из этого ничего не выходило. Сначала вся энергия уходила на

внешнее устройство жизни, а когда устраивались, начинались ссоры, сплетни, и все распадалось... Только одно надо помнить, что идеал внешней жизни вполне осуществить нельзя, так же как и духовной. Все дело в постоянном приближении» [6, с. 230 – 232].

Справедливо мнение Т. В. Петуховой, которая считает, что «Л. Н. Толстой осторожно относился к активизации толстовского движения как деятельности общественной, прежде всего, потому, что боялся, как бы дела внешние не затмили главное дело для каждой души – стремление к Богу, нравственному самоусовершенствованию» [15, с. 13]. По мнению Т. В. Петуховой, «Л. Н. Толстой стремился к тому, чтобы люди, воспринявшие его идеи или сами пришедшие к аналогичным умозаключениям, сознательно переходили к новому образу жизни. Более всего он боялся обмана и лицемерия, которые послужили причиной его разочарования в православии» [15, с. 12].

Несмотря на широкое распространение движения, изучению толстовских коммун долгое время не уделялось достаточного внимания, а в немногочисленных работах, посвященных проблемам толстовского движения, в силу исторических причин сознательно искажалась и упрощалась суть идей великого писателя, игнорировалась и скрывалась значительная распространенность его идей. При таком подходе односторонне высвечивались те тенденции, которые в соответствии с актуальными задачами классовой борьбы неверно и односторонне трактовали вероучение Л. Н. Толстого и попытки его практического осуществления. Так, например, Л. Аксельрод (Ортодокс) в статье «Лев Толстой и социалдемократия» писал: «Учение Л. Н. Толстого о непротивлении злу насилем не только не противоречит русскому государству, а есть, наоборот, не что иное, как возведенное в вечный нравственный принцип вековое рабство» [1, с. 23]. Ем. Ярославский стремился представить толстовское движение только как движение представителей узкой группы «раскаявшихся» представителей правящего сословия к прощению, возникшего под влиянием разоблачительных статей Л. Н. Толстого. «Толстовство – не для широких масс, даже и верующих, даже религиозных. Толстовство – это надежда и спасение, главным образом, для небольшой группы интеллигентов, которое корнями уходит в прошлое, которое не приемлет нового общества, и для которого критика пролетарской диктатуры, отказ помогать с оружием в руках пролетариату и крестьянству покончить с классовыми врагами является прикрытием для того, чтобы жить в «келье под елью», уйти от классовых битв, захватывающих все более глубоко широкие массы. Толстовство в настоящее время является учением узких интеллигентских кружков, среди которых вы найдете много «бывших людей» – бывших помещиков, бывших офицеров царской армии, дворян, озлобленных против советской власти, интеллигентов, которые из питания вегетарианской пищей создали целое философское учение» [23, с. 23]

Но несмотря на широкое распространение движения, изучению толстовских коммун не уделялось достаточного внимания. В первые годы после революции советская власть лояльно относилась к существованию крестьянских коммун, но такая ситуация изменилась

достаточно быстро. Еще в 1970-х годах исследователи писали о том, что толстовские коммуны просуществовали недолго и исчезли после революции. «Толстовство как общественное движение просуществовало до Октябрьской революции и в дальнейшем потеряло свое значение», – отмечает З. В. Калиничева в статье, опубликованной в 1978 году [8, с. 31].

Считалось, что последователей Толстого не осталось. Действительно, расправа с крестьянской культурой, в рамках которой расправились и с толстовцами, вскоре после революции приобрела самые широкие масштабы. Анализируя последствия культурной революции для деревни, Ксения Мяло пишет о том, что «тотальному разрушению подверглась сама культурная основа, вокруг которой формировалась деревня как социальная и хозяйственная единица» [14, с. 256].

Толстовство называли «наиболее вредной сектой» [17, с. 51], деятельность которой была связана с уходом от реальности. А. И. Клибанов, отдавая дань требованиям своего времени, писал, что «моральное банкротство толстовства явилось закономерным следствием несостоятельности и реакционности его идей, а равно и глухой самоизоляции толстовцев от действительных нужд и интересов народа» [9, с. 132].

Существует мнение о том, что «Толстой 50 – 70-х годов явно не понимал идеи крестьянской революции, явно отстранялся от революционно-демократического движения, как впоследствии Толстой 900-х годов не понимал революции 1905 года, отстранялся от борьбы пролетариата» [21, с. 297]. Но дело заключается не столько в «непонимании» Л. Н. Толстого, сколько в том, что в своих поисках Толстой всегда стремился дойти до самой сути, до первоисточков того или иного явления. Поэтому классовый подход для писателя как философа, мыслителя, моралиста был неприемлем в силу своей ограниченности и только затемнял возможность понимания смысла исторического процесса. По мысли писателя, жизнь человеческая неизменна в своих истоках. В статье «Прогресс и образование» 1862 г. он писал о том, что «общего закона движения человечества вперед нет, как то нам доказывают неподвижные восточные народы». Отказываясь по сути дела от истории, Л. Н. Толстой писал, что «история только скрывает правду». Не случайно для иллюстрации этой идеи писателя исследователи обращаются к образу Платона Каратаева: «Образ Платона Каратаева в «Войне и мире» олицетворяет закон стихийной, «роевой жизни человечества» и служит художественным выражением бессмысленности и бесплодности каких бы то ни было сознательных переустройств общественной жизни» [20, с. 221]. Крестьянство, являясь основой русской жизни, определяет самобытность пути развития России. Жизнь и труд крестьянина наиболее созвучны природным ритмам и в наименьшей степени подвержены социально-историческим переменам. Поэтому крестьянской общине Л. Н. Толстой придает особое значение, но его позиция при решении данного вопроса принципиально отлична от представлений народников: «Подобно народникам, Толстой за сохранение общины. Но народники идеализируют крестьянскую общину как наиболее естественную форму социальной организации общества. Толстой же идеализиру-

ет общину как такую форму общественной организации, которая не нуждается в государственной власти» [20, с. 228].

В своих поисках Л. Н. Толстой обращается к «наивному, естественному рационализму» [3, с. 47]. Идеал он видит в народе, народной вере. Поэтому закономерно, что крестьянство, как та часть общества, которая наиболее близка к естественному состоянию и таким образом разумному закону жизни, становится ориентиром для Толстого.

После кризисного перелома 1880-х годов Л. Н. Толстой утвердился на позициях идеолога и защитника патриархального крестьянства. Созданные в этот период произведения писатель адресует новому читателю – «почтенному, умному, деревенскому рабочему человеку, преимущественно из тех истинно религиозных людей из народа», которых писатель хорошо знал. «Возведение Толстым крестьянского взгляда на вещи в значение абсолютной истины, общечеловеческой нравственности и вовлекло в сферу рассмотрения Толстого все важнейшие вопросы современного ему общественного бытия» [11, с. 288]. Поэтому закономерно, что крестьянство и стало той частью общества, которая прежде всего восприняла учение Толстого. Для этой части общества не существовало противоречий ни в учении, ни в мировоззрении Л. Н. Толстого, поскольку жизнь крестьянина, по мысли писателя, наиболее близка к идеалу. Для крестьян учение Толстого было органично, потому что для них это не мертвая догма, а вероучение, дающее силу жизни, нравственное руководство на каждый день. Б. В. Мазурин – лидер и идеолог толстовского движения, возглавлявший долгое время коммуны «Жизнь и труд», писал об этом: «Напрасно было бы искать в нашей жизни признаков религиозности в том смысле, как это понимают церковники и безбожники: никаких обрядов, никакого культа, никаких молитвенных собраний, – ничего этого не было. И даже если взять глубже – не было никаких догматов, катехизисов, программы авторитетов, непререкаемых каких-либо писаний. Было свободное приятие того понимания и пути жизни, которое так сильно и ярко выразил Л. Н. Толстой, и это было не потому только, что так сказал Толстой, а и потому, что каждый чувствовал это в большей или меньшей степени и в себе, в своем сознании, в своей душе» [12, с. 114].

Вероучение Толстого обращено к самой сути, к основам крестьянской жизни, поэтому сила его идей была настолько притягательна, что некоторые из коммун смогли продержаться в сложных исторических условиях, несмотря на разгромы, удивительно долгое время. О значимости вероучения свидетельствует и тот факт, что и в настоящее время существуют зарегистрированные толстовские коммуны, хотя в количественном плане толстовских коммун было не так и много.

Толстовцы не были объединены в одну организацию, не были связаны какими-либо жесткими требованиями. Нельзя сказать, что их жизнь была строго регламентирована, но главное, что их объединяло в конечном итоге – это единство общих устремлений или, как говорили они о себе сами, «неискоренимая тяга к справедливости, любовь к правде, к добру, ко всему живому». Первые толстовские коммуны возникли еще при жизни великого писателя, но некоторые из них

продолжали возникать и после революции. К такому типу коммун относится и коммуна «Жизнь и труд», которую возглавил Борис Васильевич Мазурин.

Коммуна образовалась в двадцатые годы девятнадцатого века под Москвой. Но в дальнейшем толстовцы были переселены в Сибирь. В поселке Тальжино под Новокузнецком, тогда еще называвшемся Сталинском, практически на голом месте, за очень короткий срок толстовцы сумели создать крепкое коллективное хозяйство, которое достаточно успешно развивалось в сложных условиях того времени. В первые годы существования коммуны жизненный уклад ее членов складывался стихийно. Возможность объединения толстовцев в рамках коммуны представлялась спорной. О ненужности коммуны говорили и лица, близкие по взглядам Л. Н. Толстому, считавшие, что любые организационные формы могут лишь помешать задаче осуществления естественного закона жизни, между тем сам писатель считал, что единение – важнейший закон бытия человеческого. Поэтому вопрос о формах такого единения представлялся достаточно сложным. Казалось бы, что самым простым ответом на вопрос о целях создания коммун мог быть ответ о необходимости достижения, прежде всего, духовных целей. Б. В. Мазурин как один из лидеров и идеологов толстовского движения показал ограниченность и даже ошибочность такого подхода.

В «Рассказе и раздумьях об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» он писал: «Стараться соединиться со всеми людьми в хорошем мы можем и должны всегда и везде, не только в коммуне. Единение же только с членами коммуны есть сектантство, значит это не приводит людей свободных в коммуну. ... коммуна в смысле духовной жизни значения не имеет... Мы собрались вокруг земли, вокруг труда, вокруг хлеба» [12, с. 111].

Известно, что Л. Н. Толстой, оказывая поддержку своим последователям, никогда не стремился возглавить движение. Он опасался возможности превращения коммун и общин в секту. Сектантский подход был чужд и членам коммуны «Жизнь и труд», глубоко проникнувшему в суть толстовского учения. Б. В. Мазурин, характеризуя принципы объединения в коммуне, писал: «Религиозность понималась у нас как внутреннее отношение к жизни, ко всему миру и к себе и проявлялась не в обрядах и культах, а в отношении к жизни, в поведении, вытекавшем из понимания жизни: отказ от оружия, вегетарианство, трезвость, честность и доброе отношение к людям и всему живому, свободолюбие и признание равенства всех людей и отсюда – несогласие с государственной формой жизни, как основанной на насилии человека над человеком, а не на разумных, добрых началах; отрицание всяких суеверий, обрядов и церкви, отрицание общественной молитвы, отсутствие погони за богатством» [12, с. 145]. Такое мироощущение и его практическое осуществление с трудом поддавалось каким-либо видам формализации. Тем не менее члены коммуны «Жизнь и труд» смогли найти нужные формулировки и закрепить в уставе духовные основы, определившие связь и ритм жизни ее членов.

Естественно, что формулировка принципов объединения такого рода как коммуна в Тальжино могло вызвать затруднения. Но реализация толстовского

учения на практике в коммуне «Жизнь и труд» могла быть успешной только благодаря строгой дисциплине и убежденности членов коммуны в истинности толстовского вероучения. Т. В. Петухова приходит к выводу о том, что «наиболее правильным было бы определить движение единомышленников Л. Н. Толстого как религиозно-этическое движение, имеющее социальную направленность» [15, с. 100].

Характеризуя структуру отношений в коммуне, Е. Д. Мелешко отмечает, что «коммуна по своим экономическим принципам и соответствующей структуре управления, представляя собой общественное хозяйство, основанное на принципах равенства, равного распределения по труду, подчиняющееся системе планового хозяйства» [10, с. 283].

В коммуне был принят Устав (1931), в котором говорится о том, что «коммуна имеет своей целью путем организации единого хозяйства на основе полного обобществления земли, жилищ и труда, инвентаря и прочих средств производства удовлетворять жизненные и культурные потребности своих членов» [5, с. 449].

Не все могли выдержать тяжесть крестьянского труда, но в коммуне труд воспринимался как духовная потребность. Именно крестьянский труд стал главным фактором, который позволил коммуне выстоять в сложной исторической ситуации. Такое отношение к труду было закреплено в «Уставе коммуны «Жизнь и труд» 1931 г. Согласно уставу «ни один из членов коммуны, независимо от его выбранной должности или специальности, не может отказываться от несения физической работы» [5, с. 453].

Толстовцы никогда не стремились к власти, ибо таковы были их убеждения. Однако они проявили удивительную стойкость в последовательности осуществления в жизни своих убеждений, при этом никогда не прибегая к насилию. «В правовом отношении коммуны, будучи юридически и официально признанными, существовали на негосударственной основе в полном согласии с духом толстовского учения, отрицающего государственное насилие, как и всякое насилие вообще. В этом плане опыт толстовских земледельческих коммун, длительное время мирно сосуществовавших с советским режимом, представляет исключительный интерес» [13, с. 283]. В первые годы советской власти создались благоприятные условия для появления коммун и разного рода объединений. Следует отметить, что хотя В. И. Ленин считал учение Л. Н. Толстого вредным, говоря, что оно «безусловно, утопично и по своему содержанию реакционно», он не прибегал к искоренению толстовства как такового и верил в искренность убеждений толстовцев. А. В. Луначарский на одном из диспутов в Москве сказал, что толстовцы остались единственными идейными противниками марксистов, не запятнавшими себя никакими антисоветскими действиями. Но позднее при Сталине ситуация резко изменилась. С началом сплошной коллективизации толстовцев выселяют подальше на восток. Так оказались в Сибири и члены толстовской коммуны «Жизнь и труд». Хозяйство коммунаров успешно развивалось, несмотря на противодействие со стороны властей.

Расцвет движения последователей Толстого, происходивший параллельно с развитием «классовой борьбы», пришелся как раз на период культурной революции. Одной из задач культурной революции являлась борьба с религией. Были разрушены ценнейшие памятники культуры и архитектуры. Особенно жестокой была расправа с самобытной крестьянской культурой. «Разгром, которому на переломе 20 – 30-х годов подверглась патриархальная культура русского крестьянства, позволял по своему драматизму сравнения самые масштабные», – пишет К. Мяло [14, с. 245]. Борьба с религией как проявление классовой борьбы привела к гибели многие тысячи крестьян, в том числе и последователей религиозно-философского учения Л. Н. Толстого. Антирелигиозные деятели того времени писали о толстовстве как о «наиболее вредной секте», считая, что оно является прикрытием для того, чтобы жить «в келье под елью», «уйти от классовых битв» [23, с. 18 – 19]. Одной из наиболее стойко державшихся в сложной исторической ситуации является коммуна «Жизнь и труд». Судьба этой коммуны уникальна. Члены этой коммуны выделялись среди других глубоким знанием творчества, публицистики, трактатного наследия великого писателя, были высокообразованными людьми, стремились охватить и тот круг чтения, который интересовал Л. Н. Толстого. Сохранились воспоминания о разных типах коммун, где действительно не обошлось без перегибов. Неоднозначные оценки давались учению Л. Н. Толстого. Стефан Цвейг писал, что «серьезность и объективность Толстого с небывалой силой углубили совесть нашего поколения, но его угнетающие теории представляют собой сплошное покушение на чувство радости жизни, монашеско-аскетическое отталкивание нашей культуры в невозстановимое первобытное христианство» [22, с. 309].

Между тем в толстовской коммуне «Жизнь и труд» все было иначе. Крестьяне-толстовцы писали в своих воспоминаниях о том, какой радостной была их жизнь, организованная в соответствии с учением Л. Н. Толстого, труд на общее благо. Для них толстовское вероучение было не мертвой догмой, а этико-практическим руководством на каждый день, определившим ритм их жизни в созвучии с природным ритмом.

Толстовскому движению, как и региональной культуре, особенно крестьянской культуре, не уделялось достаточного внимания. Н. К. Пиксанов в двадцатых годах XIX века писал об этом: «Подчиняясь централистским тенденциям, наша историческая мысль под новой русской культурой и литературой понимает собственно литературу и культуру столичную, не учитывая, просто забывая областную... в движениях и поворотах «русской», т. е. общерусской, столичной литературы, но мы много не поймем, если не изучим областных культурных гнезд» [16, с. 35]. Толстовское движение долгое время замалчивалось. Между тем справедливо мнение М. И. Горбунова-Посадова о том, что «жизнь и работа друзей и единомышленников Л. Н. Толстого представляют собой значительную сторону в духовной истории России (и не только России) с 80-х годов XIX века до 30-х годов века XX (когда толстовство как организованное движение было уничтожено), что необходимо приложить

все усилия, чтобы воскресить ее из мрака замалчивания» [7, с. 3].

Глубокие исследования, посвященные толстовству, только начинают появляться в последнее время [13; 15]. Воспоминания последователей и единомышленников Л. Н. Толстого, уцелевших после репрессий, выходят из печати в конце семидесятых годов. Их авторами являются члены толстовских коммун, уцелевшие после репрессий. Они стремились заполнить пробел в осмыслении культурно-исторического наследия, крестьянского движения в России. Поскольку долгое время не было попыток осмысления извне, а история толстовского движения замалчивалась или была представлена искаженно, крестьяне, толстовцы начали писать сами. Значительным вкладом в развитие представлений о толстовском движении стало издание сборника «Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910 – 1930-е годы», в который были включены воспоминания лидера коммуны «Жизнь и труд» Б. В. Мазурина. Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» были опубликованы практически одновременно с «Колымскими рассказами» В. Шаламова, воспоминаниями Е. Керсновской «Наскальная живопись», «Архипелагом ГУЛАГ» А. И. Солженицына. Борис Васильевич Мазурин был ярким представителем того самого аристократического типа русского крестьянина, который стал идеалом для Л. Н. Толстого в кризисный период, и к которому было прежде всего обращено учение писателя. Сам себя он считал именно крестьянином.

Толстовская коммуна «Жизнь и труд» просуществовала в сложных, враждебных условиях до 1939 года, доказав свою жизнеспособность. Несмотря на утопичность идей толстовцев, причины распада коммуны были чисто внешними. В 1939 году подавляющее большинство членов коммуны было сослано в сталинские лагеря. Но и в этих суровых условиях коммунары сохраняли верность своим идеалам. Даже находясь на грани жизни и смерти, бывшие члены коммуны стремились придерживаться вегетарианства, не отвечали насилием на насилие. Б. В. Мазурин провел десять лет в лагерях. Жизнь разметала его единомышленников, многие из них погибли. Но и после всех выпавших на его долю испытаний он сохранял верность толстовскому вероучению, последовательно проводя его в жизнь. «Пусть не останется в живых ни одного явного единомышленника Толстого, но идеи его, его учение о жизни имеют глубокие корни в сознании всех людей. Это учение не выдуманно, а жизненно. Поэтому оно все более и более будет входить в сознание и жизнь всех людей, иногда путем тяжелого опыта. Есть еще люди на земле, которые верят в путь насилия, вооружения, войн. Но это путь обреченных. Разум, мир, братская солидарность, безнасилие – путь Толстого должен победить», – писал в одном из писем, адресованных автору этой статьи, Б. В. Мазурин.

История существования толстовской коммуны «Жизнь и труд» является значительным вкладом в духовную историю России. По сути дела факт появления и существования коммуны является реализацией крестьянской мечты об идеальном общественном устройстве, народной утопией. «Утопические идеи и учения были важной формой выражения положитель-

ных идеалов, идеологической концентрацией социально-преобразующей энергии классов, общественных слоев, игравших значительную роль в истории своей страны и своего народа», – отмечает А. И. Клибанов [10, с. 6]. Возникновение утопических идей и учений занимает значительное место в развитии общественной мысли. Их появление свидетельствует о неудовлетворенности существующими социально-общественными условиями, о вере в возможность достижения идеального социально-общественного устройства. Конец XIX века становится временем наибольшего распространения русской народной утопии. Имя Л. Н. Толстого было тесно связано с крестьянским утопическим движением, с поисками социальных идеалов и возможными способами их воплощения в действительности. Л. Н. Толстой стал выразителем надежд и чаяний кре-

стьянского сословия. Его литературно-публицистическое наследие можно использовать «в качестве пособия для познания того, как складывалась утопия в народной среде» [18, с. 15].

Современные исследователи, отвечая на вопрос о том, способна ли «толстовская версия христианства устранить беды и несчастья людей или хотя бы заметно их облегчить», пишут, что «сама история сделала этот вопрос риторическим, отвергнув толстовское учение ввиду его абсолютной непригодности и утопичности» [19, с. 165].

Но тем не менее сам факт существования крестьянской утопии в рамках другой социальной утопии был явлением уникальным и подтверждает значимость учения Л. Н. Толстого.

Литература

1. Аксельрод (Ортодокс), Л. Лев Толстой и социалдемократия // Научное мировоззрение. – № 3 (Издание Марии Малых). – 1906.
2. Асмус, В. Ф. Религиозно-философские трактаты Толстого / В. Ф. Асмус // Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч.: в 90 т. – Т. 23. – М., 1957.
3. Бердяев, Н. Ветхий и Новый завет в религиозном сознании Л. Толстого / Н. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. – Т. 2. – М.: Искусство, 1994. – 510 с.
4. Видуэцкая, И. В. Л. Н. Толстой. Нравственно-философские искания (1880 – 1890 гг.) / И. В. Видуэцкая, Н. С. Лесков // Толстой и литература народов Советского Союза. – Ереван, 1978.
5. Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910 – 1930-е годы. – М., 1989. – 480 с.
6. Гольденвейзер, А. Б. Вблизи Толстого / А. Б. Гольденвейзер. – М., 1989. – 488 с.
7. Горбунов-Посадов, М. И. Вместо предисловия / М. И. Горбунов-Посадов // Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910 – 1930-е годы. – М., 1989.
8. Калиничева, З. В. Исторические судьбы толстовцев / З. В. Калиничева // Наука и религия. – 1978. – № 9.
9. Клибанов, А. И. Из мира религиозного сектантства / А. И. Клибанов. – М., 1974. – 254 с.
10. Клибанов, А. И. Народная социальная утопия в России / А. И. Клибанов. – М., 1977.
11. Куприянова, Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого / Е. Н. Куприянова. – М.; Л. 1966.
12. Мазурин, Б. В. Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» / Б. В. Мазурин // Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910 – 1930-е годы. – М., 1989.
13. Мелешко, Е. Д. Христианская этика Л. Н. Толстого / Е. Д. Мелешко. – М.: Наука, 2006. – 309 с.
14. Мяло, К. «Оборванная нить...» / К. Мяло // Новый мир. – 1988.
15. Петухова, Т. В. Коммуны и артели толстовцев в советской России (1917 – 1929 гг.) / Т. В. Петухова. – Ульяновск, 2007.
16. Пиксанов, Н. К. Областные культурные гнезда / Н. К. Пиксанов. – М.: ГАИЗ, 1928.
17. Путинцев, Ф. О «толстовствующих» / Ф. Путинцев // Антирационалист. – 1928. – № 7.
18. Рындзюнский, П. Г. Идеиная сторона крестьянских движений / П. Г. Рындзюнский // Вопросы истории. – 1983. – № 5.
19. Сабиров, В. Ш. Жизнь и смерть, любовь и насилие / В. Ш. Сабиров, О. С. Соина (Учение о непротивлении. Этика и философия Л. Н. Толстого.) // Философия ненасилия Л. Н. Толстого: точка зрения. – Екатеринбург, 2002. – 246 с.
20. Тамарченко, Д. Народничество Льва Толстого / Д. Тамарченко // Звезда. – Л.: Гослитиздат, 1935. – № 11.
21. Успенский, И. Н. Лев Толстой и русское крестьянство / И. Н. Успенский // Изв. АН СССР. Отделение лит. и яз. – 1953. – Т. XII. – Вып. 4.
22. Цвейг, С. Три певца своей жизни: Казанова, Стендаль, Толстой / С. Цвейг. – М., 1992.
23. Ярославцев, Е. Л. Н. Толстой и «толстовцы» / Е. Ярославцев. – М.: ОГИЗ, 1938.
24. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – Т. 24 (Юбилейное издание). – М., 1958.

Информация об авторах:

Юртаева Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора КемГУ, 8(384-2) 36-30-41, irina_iourt@mail.ru.

Irina A. Yurtaeva – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian Literature and Folklore, Kemerovo State University.